

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ПРЕЛЕСТЬ. О
СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

Часть сборника: Такова жизнь (сборник)

Мария Метлицкая

Прелесть. О странностях любви

«ЭКСМО»

Метлицкая М.

Прелесть. О странностях любви / М. Метлицкая — «Эксмо»,

«Гриша называл ее «моя прелесть». Вообще, все это выглядело так: счастье пришло – и вот я наконец тебя встретил! Можно ждать всю жизнь и не дожидаться, а тут, можно сказать, несказанно и неслыханно повезло. Это если про половинки двух яблок... Хотя с тем, что повезло, согласиться всем окружающим было трудно. Гриша уже в ту пору набирал силу. Точнее, начал набирать. Гонорары еще были весьма скромные, а известность уже появилась...»

Мария Метлицкая

Прелесть. О странностях любви

Гриша называл ее «моя прелесть». Вообще, все это выглядело так: счастье пришло – и вот я наконец тебя встретил! Можно ждать всю жизнь и не дожидаться, а тут, можно сказать, несказанно и неслыханно повезло. Это если про половинки двух яблок...

Хотя с тем, что повезло, согласиться всем окружающим было трудно. Гриша уже в ту пору набирал силу. Точнее, начал набирать. Гонорары еще были весьма скромные, а известность уже появилась.

До «моей прелести» у Гриши лет семь была жена Надя. Ну, не жена, сожительница, женщина малопривлекательная, довольно унылая, но вместе с тем приличная. Какой-то корректор в издательстве. Круглая покатая спина, пучочек из серых волос, очки, на среднем пальце – мозоль от ручки и темное пятнышко от чистки овощей. Жили они тихо и мирно – но до поры.

Пропал Гриша сразу, в одночасье. Сначала все одобрили – ну какая может быть Надя рядом с таким ярким и талантливым Гришей? Правда, довольно скоро поклонников у «прелести» поубавилось. Хотя вроде ничего плохого она никому не сделала, но люди-то не дураки. Что-то мешало ее полюбить и принять в свой круг. Решили просто смириться. В конце концов, Гришу все обожали и не смели не считаться с его чувствами.

Была «прелесть» приезжей, вроде откуда-то из Средней России. Что-то вроде милого уездного городка с пятачком колхозного рынка в самом центре, старой, обрушенной пожарной каланчой, реанимированной церковью на окраине, покосившимися, но еще крепкими домишками в один этаж с удобствами во дворе и милыми палисадниками, заросшими густой сиренью или жасмином.

Представлялось это так: чудная тихая семья – истинная провинциальная интеллигенция. Папа – учитель в средней школе, мама – детский врач. Скромнейшие люди, скромнейшая обстановка. Нет даже телевизора, только книги, книги. И старое пианино «Красный октябрь», купленное по объявлению. Вечерний чай с малиновым вареньем и ванильными сухарями, на ночь – Бунин, «Темные аллеи», или, скажем, Куприн. До десятого класса – коса по пояс. Кружевные воротнички, любовно связанные мамой. Валенки, варежки с рисунком. Общечеловеческие ценности – с молоком матери. И так далее.

Но что-то не рассталось. Ну, понятно – приехала в Москву выстраивать свою судьбу. Для начала надо бы получить образование. Кому, как не ей? Например, институт культуры или областной педагогический. Но нет, устроилась в театральные кассы. Опять же вопрос: как? Каким образом? В те-то годы? Наиблатнейшее место – связи, деньги. Словом, не надо объяснять, как работала эта схема.

Кстати, там ее Гриша и увидел. Сначала – гладкий пробор, блестящие волосы цвета спелого ореха, чистый лоб. Потом подняла глаза – и он обомлел. Глаза у нее действительно были необыкновенные – темно-синие, с фиалковым отливом, с плотной щеткой недлинных, но чрезвычайно густых черных ресниц. Широкие темные брови. Это действительно удивляло. В принципе, при таком раскладе и рот, и нос в ответ не входили. Достаточно было потрясения от верхней части лица. Но справедливости ради надо сказать, что не было и там ничего такого, что могло бы испортить картину. И все же красавицей «прелесть» не была. Даже странно, почему? Видимо, маловато эмоций. А может быть, мимики. Все слишком статично. Маловато жизни.

Но Грише было все равно. В двадцать ноль-ноль он, съезжившись, стоял у будки театральной кассы – головной убор он не носил никогда. Тощий, сутулый, длинный, со своими прекрасными черными глазами-маслинами, хлюпая длинным носом и держа в тонких пальцах букет подмороженных белых гвоздик. Шел крупный снег. Ровно в восемь она вышла из будочки – маленькая, тонкая в талии, как оса, пальтишко перехвачено широким кожаным поя-

сом с круглой пряжкой. Оренбургский платок на гладкой головке, скромные ботики. Сельская учительница на экскурсии в столице. Гришу это умилило. Он проводил ее до дома. Жила она на Речном – снимала угол у дальней родственницы. От предложения зайти в кафе, погреться, выпить чаю отказалась. Устала. Он опять умилился.

Месяца три он встречал ее после работы. На четвертый сделал предложение. До этого, кстати, ни разу не поцеловав. Ему казалось, что это может ее оттолкнуть. Ему, нормальному, здоровому мужику в самом соку (кроме корректора Нади были постоянные романы и интрижки, не сомневайтесь). Слова «в койку» были вполне в Гришином духе, инвалидом половой сферы он точно не был.

«Прелесть» закусил нижнюю губу и попросила три дня подумать.

В мае сыграли свадьбу. Невеста была, как водится, вся в белом. Кружевные перчатки, фата, глаза долу. Все почему-то заволновались. Хотя понятно почему – не из нашего болота, не нашей группы крови, не нашего круга. Впрочем, какой там круг? Вечно пыхтящая и рефлексирующая интеллигенция.

Короче говоря – не наша. Это почувствовали все. И слегка обиделись: даже не старается нам понравиться. Она и вправду ни с кем не пыталась найти общий язык – ни с многочисленными Гришиными друзьями-единомышленниками, ни с многочисленными его подругами, умными, милыми, нелепыми тетками, часто несчастными – из музейных работников, художниц или врачей. Многие из бывших, кстати, Гришиных любовниц. Все они ей были по барабану.

На свадьбе, кстати, была и отправленная в отставку корректор Надя. А как иначе у интеллигентных людей? Кстати, о самой свадьбе. Разве, будучи в уме и трезвой памяти, умница Гриша пошел бы на все это? На пороге сорокалетия? В смысле – пир на весь мир, ресторан «Будапешт», заливное, оливье. Черные лаковые ботинки, «кис-кис» на шее, невеста в кружевах. Ну просто сгореть со стыда.

В лучшем случае накрыли бы у друга Леньки в мастерской – там кубатура, центр, палисадник. Любимое место для сборищ. Ну, еще винегрет, селедка, картошка. Джинсы и мокасины. Короче, все понятно. Ночная кукушка дневную перекукует. Но от Гриши такого не ожидали. Кто подобнее – посмеивался. Обиженные шушукались по углам, дескать, пропал хороший мужик.

На следующий день все собрались у Гриши и с удовольствием продолжили. После третьей бутылки пошли разговоры об искусстве – те, что предшествуют разговорам «за жизнь». И опять что-то не срастлось: наша «прелесть» в разговоры как-то не включалась. Ни про русскую классику, ни про современную прозу. Ничего в лице не дрогнуло. При словах «Улицкая», «Токарева» и «Петрушевская» – чуть бровь наверх и работа мысли в глазах. Не попасть бы впросак. Понимала ведь, что ее «прощупывают». Элегантно начала собирать чашки на поднос. Типа «хозяйка при деле». Чашки сбросила в раковину и долго курила у окна. Потом пошла тема театральная – ну, здесь-то она проявиться могла бы. Себя показать. Один из самых заядлых Гришкиных друзей начал сыпать вопросами. Она скромно потупила взор:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.